

Г. Цокколи

Анархизм в свете научного анализа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Цокколи**
Анархизм в свете научного анализа / Г. Цокколи – М.: Книга по Требованию, 2024. – 141 с.

ISBN 978-5-458-53057-6

Редкое запрещенное и конфискованное издание вышедшее нелегально в 1918 г. Данная вторая часть посвящена анархическим идеям в конкретных реализациях, анархическим организациям и практической деятельности отдельных анархистов и организаций.

ISBN 978-5-458-53057-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Изъ немногихъ попытокъ привести въ систему ходячія отрывочныя и неполныя идеи, мы можемъ остановиться на попыткѣ Андре

юркской „Freiheit“ 1883 г.); В. Денисторпъ, „Свобода или законъ“, Лондонъ, 1884 (авторъ анархистъ-индивидуалистъ, который признаетъ тѣмъ не менѣе существующія политическія учрежденія, былъ до 30 марта 1888 г. редакторомъ Лондонскаго періодика „Jus“. Этотъ журналъ былъ органомъ Лиги защиты свободы и собственности („Liberty and Property Defence League“); авторъ вышелъ изъ Лиги, когда тенденціи ея показались ему слишкомъ реакціонными по сравненію съ его легалитарнымъ индивидуализмомъ; Н. Кемпнеръ, „Право на жизнь, не только право на работу“, Берлинъ, 1884; „Я дѣлаю то, что хочу“, Женева, Юрская типографія, 1887, безъ имени автора; Л. Бертранъ, „Анархическій коммунизмъ“, Revue socialiste, 1888, февр., стр. 113—12»; Х. Серрано и Отейза „Мораль прогресса и естественная религія“ изъ журнала „Agrupacion de propaganda socialista“, № 7, Сабаделль, 1888 (ср. біографію автора въ журн „Свободная идея“, Мадридъ, 1895, 10 авг.; Э. Дарно. (E. Darpaus). „Истинная мораль“, безъ мѣста (Folx?) 1891 (эта работа важна тѣмъ, что стоитъ въ связи съ движеніемъ Юрской федераціи, равно какъ и другія работы того же автора, переведенныя на разные языки; ср. его *La paternité anarchiste*. Foix, 1889; *La société future*“, тамъ же, 1890 и др.); Р. Мелла (R. Mella), *La coaccion moral: El Despertar*, 1893, 15 іюля и слѣд. №№ (Мелла, идеи котораго мы изложимъ дальше,— анархистъ-коллективистъ; ср. его: *Sinopsis social; la Anarquia, la Federacion y el Colestivismo*, Севилья, 1891; эти работы представляютъ извлеченіе изъ періодика: *La Solidaridad*, Севилья, 1888, 14 окт.—18 ноября; дальше идутъ: *La nueva Utopia, Segundo certame socialista 10 ноября 1889*, Барселона, 1890, стр. 200—227; *D. Lence*, „*Del derecho á la vida*“, Барселона, *Bidl àcrata*, 1895; *A. Chirae* „*Le droit de vivre*“, Парижъ, Савинъ, 1896; *J. Eidelis*, „*Le devoir socialiste*“, Парижъ, Шамюель, 1896; В. Денисторпъ, „*Законъ въ свободномъ государствѣ*“, Лондонъ, 1896; Л. Бертранъ. „*Право на жизнь и его логическія послѣдствія*“, Библіотека соц. пропаганды, № 14, Брюссель, Брисме, 1897 (вопросъ разсматривается съ точки зрѣнія авторитарнаго социализма въ противоположность анархизму); Г. Пекори, „*Соціалистическая мораль*“. Библіотека итальянскаго рабочаго, № 1, Миланъ, Русскони, 1897; Г. Тюрровъ (H. Thurow) „*Соціалистическіе моралисты*“, *Die Zeit*, Вѣна, 1897, 30 окт., № 161; Г. Шмидкунтцъ, „*Анархистская этика*“, изъ „*Die Gegenwart*“, 1897. т. 51; Ф. Мерлино, „*Мораль и социализмъ*“, изъ *Humanité nouvelle*“, 1898 авг.; „*Законъ*“, Равенна, Цирардини, 1904 (эта анонимная брошюра представляетъ часть „*Serisi брошюръ для бесплатной раздачи*“, въ ней между прочимъ говорится: „*Всякій законъ есть противорѣчіе природѣ. Для жизненной гармоніи необходимо существенно измѣнить формы жизни теперь существующія; устранить все, что вынуждаетъ людей становиться во враждебныя отношенія другъ къ другу; исправить сверху до низу всю систему воспитанія. И только тогда, призванные къ жизни, свободной во всѣхъ ея проявленіяхъ, мы поймемъ на дѣлѣ, сколько человѣчнаго въ анархіи*“); П. Гори, „*Нравственныя основы анархизма*“, извлеченіе изъ журнала „*L'Agitazione*“, 4-е изд. Chiete Scullo, 1904; (авторъ исходитъ изъ того принципа, „что всякій, въ силу лишь одного факта появленія на свѣтъ Божій, имѣетъ право на жизнь и долженъ пользоваться имъ прежде чѣмъ какимъ-нибудь другимъ; кто же мѣшаетъ свободному практическому проявленію этого естественнаго права, тотъ оскорбляетъ въ лицѣ своего ближняго и свое собственное право на существованіе. Никакая декларация правъ человѣка не будетъ имѣть силы, если она не будетъ яснымъ общественнымъ признаніемъ того положенія, что каждый можетъ располагать собой въ видахъ своей пользы и подъ вліяніемъ своихъ потребностей съ однимъ ограниченіемъ въ видѣ общественнаго блага“, стр. 4, 5; „Анархистская мораль есть полное отрицаніе насилія. Хотя, правда, натуры протестующія, именующія себя анархистами, бросающія бомбы, пускающія въ ходъ ножъ и револьверъ, и приходятъ къ заключенію, что доктрина анархизма на практикѣ есть лишь школа заговоровъ и насилій, своего рода вѣчная конспирація“. Но „если мы даже и допустимъ, что анархисты поль-

Жирана (André Girard). Его идеи интересны еще и темъ, что были изложены въ одномъ изъ очень распространенныхъ и посвященныхъ пропагандѣ журналовъ ¹⁾.

Принципъ, говоритъ Жираръ, лежащій въ основаніи настоящаго капиталистическаго общества, есть принципъ *зависимости*, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ.

Въ смыслѣ политическомъ, государство или его олицетвореніе— правительство, располагая всѣми необходимыми силами, держитъ въ своей зависимости отдѣльную личность и принуждаетъ ее повиноваться большинству, которое подчиняетъ ее своей разумной или неразумной волѣ. Неоднократно подвергалась обсужденію самая законность такой зависимости. Мнѣніе, вѣдь, большинства представляетъ собой равнодѣйствующую и поэтому оно стоитъ ниже мнѣнія меньшинства, которое идетъ въ первыхъ рядахъ. Но большинство всѣми своими силами противится проведенію въ жизнь идей меньшинства и ставитъ послѣднему препятствія на каждомъ шагу. Затѣмъ, индивидуумъ зависимъ и въ экономическомъ смыслѣ. Каждый изъ насъ находится въ зависимости отъ нѣкотораго другого, въ экономическомъ смыслѣ, болѣе сильнаго, и кто хотѣлъ бы уклониться отъ дѣйствія этого общаго правила, тотъ познакомился бы со строгостью законовъ. Отсюда ясно, что человѣкъ не только можетъ, но и долженъ находиться въ антагонизмѣ съ себѣ подобными, то-есть, долженъ быть врагомъ по отношенію къ другимъ, вредить ихъ развитію, ихъ благополучію, ихъ жизни. Приложение этого принципа зависимости къ практической жизни даетъ намъ слѣдующій выводъ: благо для однихъ покоится на бѣдствіяхъ другихъ, жизнь одного поддерживается смертью другого. Этому явленію пытались дать, по-

---

зуются насиліемъ, подъ вліяніемъ ли темперамента, или благодаря отчаянію, то совсѣмъ неправда, и вовсе нельзя доказать фактами, что въ основѣ морали анархизма лежитъ насиліе; насиліе, будучи по сей день однимъ изъ проявленій борьбы за существованіе, отнюдь не придумано анархистами; оно есть орудіе угнетенія, но по закону подражанія, и благодаря заразительности примѣра, оно стало также и орудіемъ борьбы въ рукахъ угнетенныхъ“, стр. 18—20. „Философія анархизма исходитъ изъ слѣдующаго основнаго принципа: свобода непримирима съ насиліемъ; и такъ какъ государство представляетъ организацію съ воплощеніемъ этого насилія, то слѣдовательно свобода непримирима съ существованіемъ государства“, стр. 25, 26. Насиліе есть противоположность свободы. Оно темъ не менѣе *необходимо*, разъ вытекаетъ изъ необходимости законной защиты. „Моральная основа анархизма есть такимъ образомъ свобода; революція же есть лишь средство добыть эту свободу, устраняя при этомъ сопротивленіе“, стр. 27; анархизмъ хочетъ и стремится къ тому „чтобы порядокъ и общественное благополучіе были результатомъ и при томъ естественнымъ отъ соединенія всѣхъ производительныхъ силъ, отъ сотрудничества отдѣльно-свободныхъ личностей, отъ соединенія въ одной цѣли всѣхъ лучшихъ умственныхъ силъ, отъ гармоніи всѣхъ интересовъ при одной твердой и ясной увѣренности, что благо cadaго будетъ нераздѣльно слито съ общимъ благомъ“ стр. 28; Э. Реклю, „Происхожденіе религіи и морали“, Римъ, журналъ: *H. Pensiero*, 1904, стр. 99 и слѣд.; Л. Фоббри, „Мораль, право и законъ“, тамъ же, стр. 208 и слѣд. и стр. 223 и слѣд.

¹⁾ См. „*Temps nouveaux*“, годъ II, №№ 3, 4, 6, 16—22—23—29 май 6—12-іюнь, 1898 г.

крайней мѣрѣ въ теоріи, нѣкоторые коррективы: признали за личностью такъ называемыя права: право собственности, право на помощь, право на трудъ, на существованіе и т. д. Но это признаніе правъ не помогло ничуть. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе права вытекаетъ изъ принципа зависимости и есть лишь его распространеніе. Право есть узаконенное дѣйствіе человѣка на человѣка, узаконенная зависимость одного отъ другого. Кромѣ того, право вызываетъ такое появленіе обязанности; обязанность же — это принужденіе, это санкція; а санкція — это кара, наказаніе. Вотъ къ чему приводитъ желаніе ослабить дурныя стороны зависимости, дополняя ее правомъ. И въ эту же погрѣшность впадаютъ даже наиболѣе революціонно настроенные изъ социалистовъ, когда они мечтаютъ о будущемъ обществѣ со взаимностью правъ и обязанностей. Въ этомъ случаѣ непременно будетъ необходима особая организація, съ большей или меньшей властью; роль ея — смотрѣть за выполненіемъ обязанностей и обеспечивать пользованіе правами. А это и будетъ возвращеніемъ къ настоящему принципу зависимости. Въ основаніе всѣхъ правъ, которыя требуютъ социалисты всѣхъ оттѣнковъ, лежитъ право на существованіе. Чтобы обеспечить для личности неприкосновенность этого права, проповѣдуютъ различныя системы будущей общественной организаціи, несходныя между собой, но исходящія изъ одного и того же принципа. Но въ самомъ ли дѣлѣ этотъ принципъ — право на существованіе есть непреложная аксіома и выраженіе общаго закона природы? Наоборотъ, вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ жизненной лѣстницы, закономъ кажется отрицаніе права на существованіе. Всякое живое существо осуждено самой природой на смерть, которая и происходитъ въ опредѣленный моментъ, обречено на разложеніе, на случайную или естественную потерю силъ, лежащихъ въ образующихъ его элементахъ и представляющихъ то, чему мы даемъ имя жизни. Правда, что, если даже личность и исчезаетъ со смертью, то зато физическіе элементы неуничтожаемы и съ этой точки зрѣнія смерть есть лишь видоизмѣненіе элементовъ, которые были соединены въ извѣстную группу на извѣстный періодъ времени, а вовсе не уничтоженіе ихъ. Но вопросъ не въ этомъ. Подъ правомъ на существованіе мы разумѣемъ признанную за индивидуумомъ свободу пользоваться во все время существованія всѣми функціями, составляющихъ его элементовъ. Но по волѣ природы человѣкъ созданъ слабымъ и смерть есть одно изъ нормальныхъ условій, которыя обеспечиваютъ постоянное обновленіе массы, составляющей вселенную и ея эволюцію къ невѣдомой намъ цѣли. Такимъ образомъ, жизнь отнимаетъ у индивидуума право на существованіе, ибо законъ, стоящій выше насъ, роковымъ образомъ ведетъ насъ къ смерти. Такъ обстоитъ вопросъ, если мы разсматриваемъ его по отношенію къ отдѣльной личности. Посмотримъ теперь, говоритъ Жираръ, какую форму принимаетъ это право на существованіе въ отношеніяхъ индивидуумовъ между собою.

Идя по жизненной скалѣ, мы встрѣчаемъ цѣлыя виды, которые живутъ исключительно истребленіемъ родственныхъ имъ видовъ,

менѣе приспособленныхъ къ борьбѣ. Этотъ порядокъ вещей есть естественная необходимость, одинъ изъ законовъ природы. Но что же тогда остается отъ «права на существованіе», разъ существованіе одного есть неизбѣжно смерть другого? Не придется ли признать его несуществующимъ предъ лицомъ этого неподлежащаго сомнѣнію антагонизма, этого исключенія жизни однихъ работою и жизнью другихъ? Можно было бы сказать, что это право существуетъ лишь въ рамкахъ одного и того же рода, какъ взаимная охрана. Но можно оспаривать и это утвержденіе, далекое отъ истины. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ какъ животныя одного и того же вида убиваютъ другъ друга безъ особой на то нужды и въ нормальныхъ условіяхъ. Значитъ, нѣтъ „права на существованіе“ какъ непреодолимаго закона природы; въ противномъ случаѣ, оно не нарушалось бы. Поэтому стремленіе выводить цѣлый рядъ соціологическихъ дедукцій изъ понятія *права*, значитъ строить все ученіе на *petitio principii*. А это и есть крупнѣйшая ошибка. Вѣдь понятіе права вещь очень и очень относительная; это понятіе субъективное, и, какъ таковое, мѣняется сообразно условіямъ среды и степени культуры. Соціальная наука, какъ и всякая другая, не можетъ покоиться на субъективныхъ данныхъ. Отъ этой ошибки не свободенъ и социализмъ, который также претендуетъ на научность. Изыскивая средства къ устраненію соціальныхъ золъ, надо устранять, говоритъ социализмъ, понятіе права. «Итакъ, не надо ни правъ, ни обязанностей, ибо они влекутъ за собою взаимную зависимость между членами общества. Съ научной точки зрѣнія, вы не имѣете никакого права надо мной, а у меня нѣтъ никакихъ обязанностей по отношенію къ вамъ и обратно». Но тогда, скажутъ, общество не можетъ существовать. Разъ нѣтъ правъ и соответствующихъ обязанностей, всякій можетъ притѣснять своего ближняго, даже убить его, и никто не будетъ имѣть права вмѣшаться, чтобы наказать виновнаго или помѣшать преступленію. Чтобы опровергнуть послѣднее возраженіе, мы рассмотримъ положеніе индивидуума въ обществѣ, исходя изъ фактовъ.

Общество слагается изъ отдѣльныхъ личностей, какъ цѣлое изъ единицъ. И если эти отдѣльныя личности страдаютъ, это значитъ, что они плохо приспособляются къ соціальной средѣ, гдѣ живутъ, какъ это и есть въ настоящемъ обществѣ. Поэтому, чтобы опредѣлить, каковъ долженъ быть соціальный строй, надо отправляться отъ индивидуума, какъ отъ исходнаго пункта. Индивидуумъ представляетъ временное соединеніе элементовъ и клѣточекъ, у которыхъ есть постоянная потребность въ обновленіи, которой и надо удовлетворять подъ угрозой вызвать въ противномъ случаѣ разъединеніе этихъ элементовъ. Эти потребности бываютъ трехъ родовъ: а) общія у даннаго индивидуума со всѣми живыми существами, б) характерныя только для его вида, и с) его личныя. Первыя потребности — матеріальныя; двѣ другія категоріи обнимаютъ потребности соціальныя и интеллектуальныя. И всѣ онѣ должны быть удовлетворяемы, и отъ степени, въ какой это дѣлается, зависитъ счастье индивидуума. Цѣль индивидуума, поэтому, такъ устроить свою

жизнь, такъ распредѣлять свои силы, чтобы достичь счастья. Вѣдь нельзя же допустить противное, то-есть, чтобы страданіе было удѣломъ человѣка. Если бы было вѣрно послѣднее, то высшая сила устроила бы такъ, чтобы все клонилось къ нашему несчастью.

Наоборотъ, законъ управляющій человѣкомъ всегда былъ одинъ и тотъ же, именно: постоянное стремленіе къ возможно большей суммѣ счастья. Желаніе, наличность потребностей, обуславливаютъ собой и прогрессъ; съ удовлетвореніемъ потребностей человѣкъ совершенствуется. Такимъ образомъ, существованіе потребностей есть фактъ чистой безусловности и цѣль, къ достиженію которой стремится индивидуумъ какъ въ отдѣльности, такъ и по скольку онъ живетъ въ обществѣ, это — удовлетвореніе этихъ потребностей или другими словами — счастье. Но можетъ быть тогда существуетъ право на счастье? Нѣтъ, потому что признать это право — это значило бы обязать другого содѣйствовать въ достиженіи моего счастья, а это не было бы всегда удобно для счастья другого. Индивидуумъ можетъ лишь, поскольку это въ его интересахъ, сказать себѣ такъ: я приложу всѣ мои силы, чтобы вполне удовлетворить всѣ мои потребности, ибо я чувствую властное, непреодолимое желаніе жить. Всякая сила, которая будетъ мнѣ противодѣйствовать, встрѣтитъ отпоръ съ моей стороны и, если это будетъ возможно, будетъ сломлена. Съ другой стороны отъ моего развитія зависитъ и благосостояніе общества, которое есть мое «я», повторенное миллионъ разъ и которое вернетъ мнѣ то, что я ему даю. Настоящее общество основано на принципѣ зависимости и вредитъ моимъ интересамъ; потому оно должно быть замѣнено новымъ обществомъ, которое будетъ покоиться на принципѣ полной независимости. Я не признаю ни понятія права, ни понятія обязанности, ибо они влекутъ за собой взаимную зависимость между мной и мнѣ подобными, а эта зависимость и есть причина всѣхъ золъ.

Противъ этого, говоритъ въ заключеніе Жираръ, можно возразить такъ: стремясь удовлетворить всѣ свои потребности, индивидуумъ непременно войдетъ въ конфликтъ съ потребностями другихъ; значить въ этомъ случаѣ надо будетъ прибѣгнуть къ грубой силѣ? На это можно отвѣтить, указавъ, что въ достиженіи моихъ цѣлей, для удовлетворенія моихъ потребностей мнѣ придется прибѣгнуть къ помощи другихъ. Жизнь, вѣдь, слишкомъ сложна, для того чтобы можно было обойтись безъ спеціализаціи силъ. Но разъ я изолируюсь и буду дѣйствовать самъ, я сокращу свою жизнь въ десять разъ. Поэтому я долженъ прибѣгнуть къ помощи другихъ, которые, такъ сказать, восполняютъ мою работу. Въ свою очередь нуженъ имъ также и я. И вотъ сознаніе этой взаимности интересовъ и рождаетъ чувство солидарности, это необходимое условіе прогресса. Закономъ свободного общества какъ разъ будетъ солидарность, которая будетъ возстановлять согласіе въ случаѣ конфликтовъ. Личный интересъ, это наслѣдство первобытной эпохи, когда онъ скрывался подъ формой инстинкта, будетъ приводить къ сердечному согласію между сторонами, причемъ обѣ будутъ дѣлать добровольныя уступки.

Слабая внутренняя цѣнность и большое значеніе въ смыслѣ пропаганды этихъ временныхъ построений и рѣшеній наиболѣе важныхъ вопросовъ доктрины, рѣшеній, которыя удовлетворяютъ однако слабую критическую способность массъ, выступаютъ наиболѣе ярко при сравненіи. Сравненіе, если оно сдѣлано хорошо, сейчасъ же обнаруживаетъ, что директивы въ этомъ построеніи не только противорѣчатъ другъ другу, но даже исключаютъ одна другую. Это происходитъ оттого, что многіе, считая себя вправѣ высказываться по такимъ важнымъ вопросамъ, не принимаютъ при этомъ въ расчетъ тѣхъ, болѣе или менѣе, положительныхъ данныхъ, которыя добыты другими. А оставаясь внѣ поля научной работы, всегда подвергаешься риску выйти изъ предѣловъ научности. Мы видѣли уже, какъ одинъ изъ авторовъ, имѣющій права гражданства на страницахъ одного изъ наиболѣе важныхъ анархистскихъ періодиковъ, дошелъ путемъ шаткой сѣти силлогизмовъ до отрицанія всякаго права и всякаго долга исходя изъ отрицанія права на существованіе.

Вотъ другой авторъ, также анархистъ и также поддерживаемый другимъ, не менѣе важнымъ, періодическимъ журналомъ. Этотъ авторъ строитъ свою систему, какъ разъ, на правѣ на существованіе и на *обязательности дѣйствія*.

Всякій разъ, когда наталкиваешься на такія противоположности (что бросается въ глаза, конечно, не сразу, но раскрывается подъ широкимъ и любовнымъ изслѣдованіемъ), заниматься ихъ тщательной критикой значило бы признать, что для науки остается тяжелое препятствіе тамъ, гдѣ, кажется, импровизація лицъ неосвѣдомленныхъ все уже разрушила своей діалектикой, которая на самомъ дѣлѣ лишь задѣла, но не подорвала, не проникла и не опровергла исторической и соціальной дѣйствительности.

Всякая дѣйствительность, говоритъ Соренъ ¹⁾, предполагаетъ извѣстныя ограниченія, которыя и суть законы. Отрицать законы значило бы провозгласить нормой абсолютное, т. е. непознаваемое. Человѣкъ находится въ зависимости отъ нѣкоторыхъ законовъ, управлять которыми онъ не въ состояніи. Они господствуютъ надъ нашей жизнью и во всѣ ея моменты направляютъ и опредѣляютъ ее. Объ этихъ законахъ можно сказать, что они насъ образуютъ, а не принуждаютъ: вѣдь эти законы—это мы сами, а вовсе не внѣшнее препятствіе для нашей индивидуальности. Мы ничего противъ нихъ не имѣемъ, точно такъ какъ не имѣемъ ничего противъ вдыханія воздуха, который насъ окружаетъ. Возставать противъ этихъ законовъ было бы и невозможно и глупо, ибо это значило бы возставать противъ себя самого, значило бы отрицать свою личность. Эти законы, никѣмъ не установленные, въ состояніи ли поддерживать общественный порядокъ. Если бы человѣчество было обязано своимъ про-

---

¹⁾ *Daniel Saurin, "L'ordre par l'anarchie", Bibliothèque anarchiste, Парижъ, типогр. "Révolte", 1893.* Журналъ, на который я намекнулъ и гдѣ впервые появилась эта работа съ названіемъ *"Lettres sur l'anarchie"*, есть эта *"Révolte"*, 3 іюня—12 ноября, 1893. Четыре письма ея были переведены также на португальскій языкъ въ журналѣ *"Os Barbaros"*, Colmbre, 15 ноября 1894 и слѣд.

исхожденіемъ случаю и случайной встрѣчѣ разбросанныхъ элементовъ, то тогда единственнымъ средствомъ организовать коллективность было бы соглашеніе, предварительный договоръ. Но человѣчество представляетъ реальность; оно не возникло по желанію людей, оно родилось прежде ихъ одобренія и согласія. Поэтому законы человѣчества и будутъ законами для отдѣльныхъ личностей. Законы же общества находятся внутри насъ. Знать окончательныя условія нашего существованія, значитъ знать и окончательную форму общества; слѣдовать законамъ собственнаго существованія, значитъ въ то же время быть существомъ социальнымъ. Впрочемъ, не надо смѣшивать законовъ индивидуальныхъ съ законами общества. Если бы человѣчество повторяло одну и ту же единицу, воспроизведенную точно до безконечности, то мы наблюдали бы теперь единство и однообразіе желаній. И тогда законъ и прихоть одного были бы закономъ и прихотью другого. Нѣтъ, мы проводимъ здѣсь линію разграниченія. Индивидуумъ выдѣляется въ толпѣ. Индивидуальныя черты и являются тѣмъ, что отличаетъ его изъ ряда подобныхъ; подъ даннымъ индивидуумомъ кроется человѣкъ, а въ основѣ всѣхъ лежитъ одна и та же человѣческая природа. Такимъ образомъ, законодатель будетъ и нѣкоторымъ опредѣленнымъ человѣкомъ, и индивидуумомъ. Его дѣйствіе можетъ воплотить въ себѣ или вѣчныя стремленія человѣка или элементы преходящія. Поэтому законъ можетъ выражать или вѣчныя нормы или просто волю и желанія, рожденныя обстоятельствами сегодня и обреченныя на смерть завтра. Въ первомъ случаѣ законъ обнаруживаетъ бесполезность вѣчной нормы, во-второмъ, лишь усложненіе составляющихъ его элементовъ. Законодатель, такимъ образомъ, или копируетъ природу или ставитъ препятствія на пути нашего развитія. Зачѣмъ же повторяютъ законы природы и усиливать ихъ жалкой санкціей со стороны человѣчества? Вѣдь наше согласіе — ничто для нихъ; они обнимаютъ насъ, когда мы и не думаемъ объ этомъ, помимо нашей воли. Ваша личная воля, рожденная невѣдомо мнѣ какими обстоятельствами, можетъ идти въ разрѣзъ съ моей волей. Но моя личность также имѣетъ право на существованіе и отсюда возможность столкновенія. Мы тождественны и въ то же время различны. Законъ закрѣпляетъ наше сходство и охраняетъ мой личный *человѣческій минимит*. Каждый изъ насъ имѣетъ свои отличительныя черты. И вотъ, если голосъ большинства создаетъ какой-нибудь законъ, идущій въ разрѣзъ съ этой моей особенностью, то сейчасъ же становится законнымъ сопротивленіе. Или вы взяли въ основаніе этого закона нѣчто общее всѣмъ намъ и лежащее въ основѣ человѣческой природы, и тогда ваша санкція ненужна для меня, потому что я подчинялся этому закону прежде чѣмъ вы дали ему формулировку: я повинуюсь, но себѣ самому; или же мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ случаемъ, когда вы создаете законъ, чтобы подчеркнуть *вашу* неприкосновенность, когда вы противопоставляете *васъ мнѣ*; тогда законъ, въ основѣ котораго лежатъ элементы преходящія, присваиваетъ себѣ лишь видимость универсальнаго закона и навязывается мнѣ благодаря тому,

что сила въ вашихъ рукахъ; тогда вы — мой врагъ: но вы станете врагомъ самихъ себя, чуть только измѣнятся условія вашего существованія. Значитъ, каждый долженъ поступать, сообразуясь только съ самимъ собой и признавая только одну эту власть. Законъ, который хочу провести я, или мы — большинство, или все человечество, и который мы введемъ въ жизнь на будущее время, сослужитъ лишь роль препятствія на нашемъ пути. Завтра мы будемъ поступать сообразно съ нашими потребностями; и если эти потребности будутъ новы, мы будемъ поступать не такъ какъ сегодня, и законъ, который намъ такъ желателенъ сегодня, завтра будетъ для насъ враждебенъ. Не надо поэтому нашихъ законовъ, обобщающихъ отдѣльный случай и увѣковѣчивающихъ одинъ моментъ на будущее. Воздержимся отъ предугадыванія будущаго. Будемъ дѣйствовать въ нашихъ собственныхъ интересахъ для настоящаго времени. Законъ, вѣдь, развивается вмѣстѣ съ нами. Но чуть мы его поставимъ внѣ насъ, мы сейчасъ же и значительно опередимъ его въ нашемъ быстромъ развитіи... Вотъ почему законъ бесполезенъ. Внѣ насъ, внѣ жизни, которая увлекаетъ насъ, онъ неподвиженъ. И еще, вѣдь, что внѣ насъ, то и противъ насъ. Кодексъ законовъ это своего рода якорь, къ которому мы прикрѣпили когда-то нашу личную жизнь: онъ задерживаетъ насъ и мѣшаетъ нашему развитію. И всякій разъ, когда мы наталкиваемся на законъ, котораго мы въ себѣ не находимъ, позволительно и сопротивленіе этому закону, ибо противъ силы можно примѣнять всегда силу же.

Но если опредѣленныхъ законовъ нѣтъ, то все же есть права и обязанности. Каковы онѣ? Одна изъ наиболѣе ясныхъ очевидностей это та, говоритъ Соренъ, что человѣкъ живетъ и проявляетъ свою дѣятельность, свою силу въ борьбѣ со встрѣчающимися сопротивленіями. Побѣждая ихъ, расширяясь, переходя за границы препятствій, человѣкъ испытываетъ удовлетвореніе. Онъ покоряетъ природу, подчиняя ее себѣ, пользуясь ею и, такъ сказать, облагораживая мертвую матерію. Но человѣкъ не хотѣлъ потеряться въ безграничности вселенной и въ угоду своему тщеславію, онъ открылъ съ себѣ *права*. Такъ что каждое дѣйствіе стало вытекать изъ права. Теперь, на примѣръ, любой институтъ беретъ за исходный пунктъ своего существованія и за цѣль свою *права человека*. Всякое правительство заявляетъ, что защищаетъ эти права. Ясно, говоритъ Соренъ, что эта эластичность и широкая степень примѣненія говорятъ далеко не въ пользу права и что нужна какая нибудь болѣе прочная база, на которой могли бы сойтись люди. Базой этой будетъ утвержденіе, что человѣкъ есть система силъ въ неустойчивомъ равновѣсіи. Право сюда не входитъ и никакой роли не играетъ. Силы различаются только качественно: другой принципъ раздѣленія былъ бы невѣренъ и недопустимъ. Итакъ, мы признаемъ только силу человека и окружающей его среды. Это и есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію, а все остальное лишь гипотеза, которую легко допустила наша дѣтская гордость. Нѣтъ тогда и никакого «права». Мы существуемъ, ибо можемъ; наша сила соединяетъ насъ съ жизнью,

но права въ этомъ, по крайней мѣрѣ того, о которомъ говорятъ моралисты, нѣтъ. Сила — это центръ своего рода, изъ котораго по радіусамъ исходитъ дѣйствіе: всѣ направленія одинаково законны, лишь бы только распространялась моя сила и развивалась моя энергія.

Что же касается до нравственнаго сознанія совѣсти, то это есть не болѣе какъ привычка въ употребленіи силы; если оно за-прещаетъ мнѣ идти по извѣстнымъ направленіямъ, это значитъ, что для силы моей эти пути еще незнакомы. Безнравственное дѣйствіе— это дѣйствіе необычное, которое и пугаетъ насъ своей необычностью.

Соціальный вопросъ, такимъ образомъ, есть проблема механики; законы существованія, а слѣдовательно и тѣ, подъ дѣйствіемъ кото-рыхъ находится и человѣкъ, суть законы силы. И передъ ними надо преклоняться ибо они внутри насъ и, выполняя ихъ, мы повинuemся себѣ самимъ.

Но сила заключаетъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ и дѣйствіе. Такимъ образомъ единственная наша обязанность пусть будетъ: мы должны развиваться наиболѣе цѣлесообразно. Мы не признаемъ ни-какихъ обязательствъ, которыя связывали бы человѣка съ властью, находящейся внѣ его: но человѣкъ связанъ съ существованіемъ соб-ственнымъ, которое налагаетъ на него *обязанность дѣйствовать*, даже необходимость. Вотъ предъ такой необходимостью мы преклоняемся и будемъ уважать то общество, гдѣ не будетъ другихъ требованій, усложняющихъ жизнь. Долгъ вытекаетъ, какъ мы видѣли, изъ самихъ требованій жизни, а не изъ предписаній власти; это лишь простое признаніе и подчиненіе фатальности.

Первый шагъ и первая обязанность въ анархистской морали есть, такимъ образомъ, отрицательная ассоціація, то есть уваженіе къ дѣ-ятельности моихъ ближнихъ, которая можетъ перекрещиваться съ моей дѣятельностью. По отношенію къ моему ближнему я воздерживаюсь отъ борьбы за существованіе, сберегая свои силы, и мы схо-димся на взаимномъ уваженіи. Такъ, уже въ самомъ началѣ жизни общества мы находимъ цѣлый договоръ, который опредѣляетъ собой право на существованіе. Это право относительно, ибо я имъ пользуюсь только съ моими ближними, а вся остальная часть существующаго сохраняетъ за собой право уничтожить меня. Человѣкъ же долженъ уважать меня, понимая бесполезность взаимной вражды. Развивая свою личность и силы, онъ долженъ удаляться отъ меня, зная хорошо, что я готовъ дать ему отпоръ своими силами. Это—единственная необходимость, которая выливается въ форму нравственнаго обяза-тельства.

Послѣ этого Соренъ рассматриваетъ институтъ собственности. Нѣтъ смысла излагать его взгляды по этому вопросу, ибо они пред-ставляютъ повтореніе прудоновскихъ идей. Да, потомъ, это завело бы насъ за предѣлы вопроса, который мы себѣ поставили.

II.

Р е л и г і я.

Ученіе Штирнера и Бакунина даетъ ясное представленіе объ отношеніи анархизма къ религіи: это есть полное отрицаніе всякой естественной и позитивной религіи. Это отрицаніе отразилось и дальше на всей послѣдующей научной разработкѣ доктрины безъ какихъ-либо, впрочемъ, дополненій и измѣненій, о которыхъ стоило бы упоминать. Иначе было въ области пропаганды. Для послѣдней надо было превратить отвлеченные доводы Штирнера и Бакунина въ рѣзкія нападки на позитивныя религіи, которыя удовлетворяютъ религіозную потребность большинства, мирящагося съ существующимъ строемъ. Эта популяризація идей, трудно выполняемая по отношенію къ Бакунину, всегда закованному въ гегельянскую фразеологію, оказалась легкой по отношенію къ Штирнеру и другимъ писателямъ изъ лѣваго крыла гегелианства. У Штирнера въ его доводахъ, выраженныхъ очень часто въ рѣзкой формѣ, тамъ и сямъ проскальзываютъ искры возмущенія и сантиментальности, что очень удобно въ смыслѣ пропаганды. Начало было указано; оставалось только развить, дополнить и довести до самыхъ рѣзкихъ и часто абсурдныхъ формъ. Какъ разъ эту работу и представляетъ *памфлетъ* И. Моста, сзглавленный: „*Религіозная чума* ¹⁾ (*Die Gottespest*) и распространенный, какъ никакой другой, среди анархистовъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ никакая другая, сверкаетъ эта книжка искрами самаго свирѣпаго возмущенія. Если бы я не боялся нарушить цѣлость моей работы, я воспроизвелъ бы здѣсь цѣликомъ, какъ своего рода документъ, всю работу Моста, чтобы еще лишній разъ показать, какъ я это и раньше дѣлалъ, что въ смыслѣ анархистской пропаганды важна не столько внутренняя цѣнность идей сколько способъ выражать ихъ. Впрочемъ лучше не придавать особо серьезнаго значенія работѣ Моста, а ограничиться изложеніемъ его взглядовъ, передавая, по сколько это возможно выраженія Моста со всей ихъ утрированной и криминальной рѣзкостью ²⁾.

¹⁾ Есть русскій переводъ „Религіозная язва“, Петроградъ 1917 г., стр. 32, . 25 к.

²⁾ Мостъ, род. 5 февр. 1846 въ Аугебургѣ и умеръ 17 марта 1906 въ Цинциннати, былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и рѣзкихъ писателей въ смыслѣ пропаганды. Неоднократно былъ судимъ за крайнюю смѣлость своихъ идей (въ 1870, 75, 1881, 86, 88, 99 гг. Ср. Г. Шей (*Scheu*) „*Der Hochverrats-Process gegen Oberwinder, A. Scheu, Mosf, Papst*“, Вѣна, 1870), оказывалъ большое вліяніе на все интернаціональное движеніе, полемизируя и вызывая на споры даже самыхъ рѣзкихъ представителей анархизма (ср. напримѣръ В. Р. Текеръ: „*Вмѣсто книги*“, цитир. изд., стр. 111, 112, 372, 393—397, 401, 432—434. а также: П. Гратткау и Мостъ. „*Разсужденіе на тему: Анархизмъ или Коммунизмъ*“, Чикаго, Центр. Комитетъ Чикагской Группы „Интерн. Анарх. Ассоц.“ 1884). Пропаганда Моста направлена была противъ религіи, при чемъ исходнымъ пунктомъ ему служили такіе авторы, какъ *Фейербахъ*,